

Немилов Антон Витальевич

**Биологическая трагедия
женщины. Очерк физиологии
женского организма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
В54

В54 **Витальевич Н.А.**
Биологическая трагедия женщины. Очерк физиологии женского организма /
Немилов Антон Витальевич – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2026. – 142 с.

ISBN 978-5-521-96507-6

Немилов, Антон Витальевич. Биологическая трагедия женщины : Очерк физиологии женского организма / А. В. Немилов, проф. — Ленинград : Сеятель, 1925. — 140 с.; 21 см.

ISBN 978-5-521-96507-6

© Lennex Corp, 2026
© Н.А. Витальевич, 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Очень может быть, что придуманное мною заглавие и не совсем удачно, так как самые слова: «трагедия», «трагизм» понимались в разные эпохи по разному. Но мне как-то не приходит в голову другого более подходящего слова, которое лучше бы выражало то, что я имею в виду.

В человеческой жизни страдания неизбежны. Из всех живых существ, населяющих нашу землю, самым большим страдальцем является все же человек. Он переживает не только все те боли и неприятности, которые испытывает и всякое животное, но, кроме того, подвержен и целому ряду чисто человеческих страданий, которые совершенно неизвестны животным. Высокое эволюционное развитие, достигнутое человеком, куплено довольно дорогой ценой, и за свое «особое» место в природе человек платит немало. Мысль, что «животные гораздо счастливее людей», высказывалась уже неоднократно и приходила в голову каждому. Человек не только внес в природу дисгармонию, но и сам на каждом шагу попадает в глубокое противоречие между своими стремлениями и интересами и влияниями окружающего мира. Трагические коллизии в жизни животного почти невозможны; человеческой же жизни без трагедий, без элемента трагического представить себе нельзя. И чем развитее, чем совершеннее человек, тем больше поводов и возможностей для трагического столкновения.

Источником всякой трагедии является столкновение между стремлениями, страстями или интересами данного лица с теми условиями (понимая это слово в самом широком смысле), которые человека окружают. Так как условия, окружающие человека, чрезвычайно разнообразны, то, понятно, очень разнообразны и трагические коллизии. Но так как и сам-то человек по своим особенностям и по характеру в высокой степени разнообразен, то количество трагических возможностей для него бесконечно велико.

Но само собою разумеется, что далеко не все трагедии в жизни человека равнозначущи. То, что больше всего занимает художников слова, именно трагедии субъективные, или трагедии характеров, то как раз с более общей точки зрения имеет меньшую важность. Здесь источником трагедии является сам характер данного человека, который может быть никогда и не повторится ни у кого другого. Трагедия единиц, столь интересная при свете рампы, столь важная для отдельных индивидуумов, для всей жизни имеет все же ничтожное значение. Умирает герой трагедии или изменяется и сламывается его характер, исчезает и трагедия его личности.

Уже серьезнее социальные трагедии, ибо они касаются не отдельных особей, а целых социальных групп. Здесь уже мы имеем не страдающие единицы, а страдающие массы (напр., трагедия рабов, трагизм солдат, отправляемых на верную смерть, и т. д.). Но этого рода трагедии временны, поскольку временны известные социальные и государственные формы. Изменение законодательства, социальный рост общества, а также революции кладут конец такого рода трагедиям. Это, так сказать, не «страшный» трагизм, ибо его можно изжить, и есть на-

дежда радикально уничтожить самый источник трагического, если только переделать социальные формы.

Но самыми ужасными являются те трагедии, источники которых коренятся в самой природе человека. Они безнадежны, так как их нельзя изжить. Если у человека имеются врожденные аномалии развития, врожденная несостоятельность или слабость известных органов, наследственное предрасположение к известной болезни и т. д., то проистекающий отсюда трагизм положения является во всяком случае, при данном уровне науки, совершенно неустранимым. Это самый «страшный» из всех трагизмов и чем большего количества людей он касается, тем более такое явление заслуживает и внимания и изучения. Правда, и здесь успехи знания могут кое-что сделать, но именно только «кое-что», потому что существуют такие трагедии природы, самую возможность победы над которыми со стороны науки невозможно себе представить.

Мыслимо, например, что наука сможет уничтожить то трагическое, которое проистекает от конституции человека, что пластическая хирургия будет уничтожать самые ужасные уродства, что можно будет людей с врожденным предрасположением к известной болезни ставить в такие условия, чтобы болезнь их проявиться не могла, но невозможно себе представить, чтобы науке удалось когда-нибудь уладить трагический конфликт между интересами человека, как индивидуума, и интересами природы, как целого.

За неимением другого слова, я и называю «биологической трагедией» такую коллизию, когда стремления человека встречают неодолимое препятствие в его собственной природе, когда источником трагического являются те законы, которые царят в живой природе и власть которых прекращается только вместе с самою жизнью.

Обращая внимание читателей на биологическую трагедию женщины, я вовсе не имею в виду сказать что-либо новое. Я хочу только подчеркнуть и напомнить то всем известное, мимо чего мы проходим равнодушно и что на самом деле заслуживает к себе самого внимательного отношения. Я беру здесь сознательно только одну сторону вопроса, которая мне, как биологу, ближе, чем всякая другая, и выдвигаю ее на первый план. Экономическая и, вообще, социальная сторона оставлена мною нарочно в тени, так как об этом писалось в последнее время довольно много. Я думаю, что именно теперь своевременно написать о том, что я называю «биологической трагедией» женщины. Капиталистический строй и буржуазное общество не считались с такими «пустяками» и видели в женщине только орудие наслаждения и источник для извлечения прибавочной стоимости. Теперь создается новый быт и намечается иное отношение к женщине, как к товарищу, как к полноправному члену пролетарского государства. То, что написано в моей книжке, может послужить тем сырым материалом, который, наряду со многим другим, должен лечь в основу новой половой этики.

Сентябрь 1923.

Ленинградский
Сельско - Хозяйственный
Институт.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Половая любовь у животных и человека.—Сексуальность, как эволюционный фактор.—Что выдвинуло человека на особое место в ряду других животных существ?—Сильное развитие по сравнению с обезьянами половых желез у человека.—Значение инкреции половых органов.—Вне пола нет и человека.—Половая трагедия *Homo sapiens*.

Для животного не существует «полового вопроса». Интересы личные, индивидуальные у него так гармонично слиты с интересами рода, что здесь, строго говоря, не может быть речи о каком-нибудь «половом трагизме.»

Беременная самка, попавшая вследствие неловкости и затрудненности своих движений в пасть более сильного врага, ослепленный половой страстью самец, делающийся добычей охотника, и т. д., конечно, тоже примеры примитивной «трагедии пола», но это, во всяком случае, несравнимо с тем, что происходит у человека. Животное не чувствует и не сознает того, что оно гибнет из-за целей и интересов природы. Интересы рода или вида являются как бы его собственными побуждениями.

Человек же, с его развитой индивидуальностью, с его лихорадочно работающим, огромным мозгом, прекрасно сознает, что его интересы, как биологической особи, вовсе не связаны с тем, чтобы жизнь продолжалась и после него. Вернее даже, ему, как организму, как частице, природы, нет никакого дела до того, будет ли кто-нибудь из людей жить после него или нет.

Путем сложной мозговой работы он может прийти к выводу о ценности жизни вообще и непрерывности ее в природе, но это будет нечто вторичное. Как биологической особи и особи сознательной, ему дела нет до интересов живой природы, как целого.

Род людской давно бы прекратился, если бы дело размножения основывалось только на философских выводах о ценности жизни и если бы в основе всего этого не лежала известная «уловка природы», на которую и попадает человек. Служить чуждым для него интересам рода человека заставляет соблазнительность той «приманки», каковою является, в сущности, половая любовь с ее физиологическими наслаждениями и радостями. Попаавшийся «на удочку» человек, при всем своем высоком сознании, производит дело, в сущности ему чуждое, и в конвульсиях любви вызывает из небытия следующее поколение, которое должно прийти ему на смену и проделать в свое время опять то же самое. Служение роду облекается здесь на время личиной эгоистической цели и становится как будто бы самым важным делом в жизни.

Шопенгауэр совершенно прав, когда говорит, что «половая любовь, после любви к жизни, является самой могучей и деятельной из всех пружин бытия». «Она», говорит он, «беспрерывно поглощает половину сил и мыслей молодого человечества, составляет конечную цель почти всякого человеческого стремления, оказывает вредное влияние на самые важные дела и события, ежедневно прерывает самые серьезные занятия, иногда не надолго смущает самые великие умы, не стесняется непрошенной гостьей проникать со своим хламом в совещания государственных мужей и в исследования

ученых, ловко забирается со своими записочками и локонами даже в министерские портфели и философские манускрипты, ежедневно поощряет на самые рискованные и дурные дела, разрушает самые дорогие и близкие отношения, разрывает самые прочные узы, требует себе в жертву то жизни и здоровья, то богатства, общественного положения и счастья, отнимает совесть у честного, делает предателем верного и, в общем, выступает как некий враждебный демон, который старается все запутать, перевернуть и ниспровергнуть»...

Весь трагизм человека и заключается в том, что он, не будучи в силах противостоять соблазну, способен сознавать, что, в сущности, является только обманутой жертвой рода, тогда как всякое животное как и умирает в иллюзии, что расточает усилие и жертвы исключительно ради собственного наслаждения.

При отсутствии у животного такого высокого сознания, как у человека, нужно очень немного, чтобы создать для него необходимую в интересах рода «приманку». Половая любовь животных потому и проста и схематична в своей голой биологической сущности. Человек же слишком «умная рыба», чтоб его можно было поймать на какие-нибудь пустяки. И отсюда мотив к возникновению целого антуража физиологических иллюзий, которыми у человека завуалировано служение интересам рода. Половая функция своими корнями прорастает все бытие человека, и чем глубже наука проникает в проблему пола, тем все более и более убеждается в бесконечно большом значении половой функции для всех, вообще, процессов, происходящих в теле.

При современном уровне наших знаний не будет уже парадоксом, если мы скажем, что сильное развитие полового аппарата, сексуальность, в широком смысле этого слова, была одним из тех факторов, которые выдвинули человека на его исключительное место в ряду других живых существ.

Уже давно миновало то время, когда надо было доказывать и защищать то положение, что человек по природе своей есть животное. Это—общеизвестный факт, в котором никто уже не сомневается и который на всякие лады пережевывается популярной литературой. Гораздо интереснее не то, что человек похож на шимпанзе или гориллу, а то, что он все-таки отличается от человекообразных обезьян и других животных, что в нем есть нечто «чисто человеческое».

В чем же оно заключается? Общеизвестно, что вертикальная походка была одним из тех условий, которые сделали возможным выработку человеческого типа. Но взятое само по себе разделение труда между передними и задними конечностями не могло быть тем филогенетическим приобретением, которое сыграло решающую роль в завоевании человеком его исключительного места. Попытку подняться на задних ногах над землей и освободить передние конечности мы встречаем не только у кенгуру и птиц, но даже у некоторых ящериц (по данным Сэвилль Кента), и тем не менее это не отделило их все-таки от других живых существ настолько, насколько ушел от животных предков современный человек. Конечно, такой кисти, какую имеет человек, не имеет никакое другое живое существо, но все-таки это—второстепенный признак человеческой природы, это не есть то существенное и важное, что выдвинуло че-

ловека в первые ряды. Нельзя сказать, чтоб и абсолютный и относительный вес человеческого головного мозга представлял собою нечто совершенно исключительное, «чисто человеческое». Как известно, абсолютный вес человеческого мозга больше, чем вес мозга других животных, но все же не всех. Так у слона и кита абсолютный вес мозга больше, чем у человека. Но даже относительный вес мозга оказывается у человека наибольшим только в том случае, если мы будем сравнивать человека с крупными обезьянами: так, у человека вес мозга относится к весу всего тела, как 1 к 46, тогда как у оранг-утанга соответствующее отношение выразится как 1 к 183, у шимпанзе—как 1 к 61, у павиана—как 1 к 74, у гиббона—как 1 к 73; но если мы возьмем мелких обезьян, то, например, у игрунковых (уистити) мы находим отношение между весом мозга и весом тела, как 1 к 17, у обезьян сапажу (*Seb'us*)—как 1 к 18,5 и, наконец, у паукообразных обезьян (*Ateles ater*)—как 1 к 15.

Мы видим, таким образом, что утверждение, будто человек отличается пропорционально более тяжелым мозгом неверно. Отсюда было бы ошибочно делать вывод, что мозг *Ateles* совершеннее мозга человека; у *Ateles* развились низшие центры, собирающие раздражения от несоразмерно большой у мелких животных по сравнению с объемом тела поверхности его; у человека же развились те высшие центры, которые необходимы для высших душевных функций и на которые как раз объем тела не оказывает влияния.

Но отсюда видно все же, что в этом отношении нет резкого грубо - анатомического различия между человеком и обезьянами, а наоборот, существуют раз-

личные переходы. Таким образом, и увеличение размеров мозга не приходится назвать существенно человеческим признаком и таковым остается только сильное развитие в человеческом мозгу именно определенных высших центров¹ так назыв., ассоциационных.

—Если начнем перебирать другие системы органов и сравнивать их у человека и других живых существ, то везде мы найдем при более внимательном изучении известные черты отличия, но нигде не найдем таких анатомических признаков, которые мы имели бы право назвать существенно человеческими.

Но есть все же одна система органов, которая достигла у человека особо высокой степени развития и особого усложнения: это, как ни кажется странным на первый взгляд, половая система. Г. Фриден-таль (1910), исследователь, сделавший как раз очень многое для доказательства близости человека к обезьянам (он особыми сывороточными реакциями доказал, что человек и по химическому характеру белков крови близок к своим длинноруким братьям), в поисках за «чисто человеческими признаками» *), пришел именно к этому выводу.

«По своим абсолютным и относительным размерам», пишет он, «половой аппарат женщины превосходит аппарат всех прочих приматов. Ни у одного вида обезьян не наблюдается такого богатства вторично-половых признаков, как у женщины. Влагалище и матка у женщины крупнее и представляют собою более совершенные органы, чем у самки гориллы или оранг-утанга.

*) Hans Friedenthal. — Beiträge zur Naturgeschichte des Menschen. Lief V. Sonderformen der menschlichen Leibesbildung. Jena, 1910. G. Fischer.